

СВОЕОБРАЗИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ОРФОГРАФИИ В "ЕЛЛИНОСЛОВЕНСКОЙ" ГРАММАТИКЕ "АДЕЛЬФОТИС" (ЛЬВОВ, 1591)

Статья посвящена анализу орфографии одной из старославянских грамматик — "Адельфотиса" (Львов, 1591). Наряду с общими суждениями о мировоззрении Средневековья и исторических факторах, определивших орфографические пристрастия восточнославянских грамматик XVI–XVII вв., в статье осуществлен детальный анализ орфографических принципов собственно "Адельфотиса".

The article is dedicated to the orthographical analysis of one of the Old Slavonic grammars — of the "Adelphotes" (Lvov, 1591). Parallel with the general judgements about medieval world outlook and historic factors, determining the orthographical predilections of Eastern Slavonic grammars of XVI–XVII centuries, detailed analysis of orthographical principles of "Adelphotes" proper has been carried out in the article.

1. Основные коллизии церковнославянского письма в восточнославянской культуре XVI–XVII вв. Грамматики XVI–XVII вв. традиционно состояли из четырех частей: 1) "орфографии" ('фонетика'+ 'графика'+ 'орфография'); 2) "этимологии" ('морфология'); 3) "синтаксиса"; 4) "просодии". С термином *орфография* связывают понятие о системе общепринятых и обязательных правил письма, обеспечивающих одинаковую передачу на письме слов литературного языка. В таком (современном) понимании термина раздела орфографии в грамматике "Адельфотис" нет, хотя рукописные графико-орфографические статьи на церковнославянском (далее — ц.-сл.) языке были широко распространены в XIV–XVI вв. (см. Ягич 1885–1895, 289–1070). Причем в орфографических статьях XVI–XVII вв. были как капитальные прорывы, принятые наукой нового времени (противопоставление гласных и согласных; оппозиция глухих и звонких согласных; попытки акустико-артикуляционных характеристик отдельных звуков) (см. Мечковская 1985 [а], 34–39), так и архаические черты лингвистического сознания (стремление к семантизации знаков письма; соблюдение иноязычных орфограмм; усложнение кода письма) (см. Мечковская 1985, 15–24). Языковые факты, включенные в грамматику в качестве образцов формоизменения или словообразования, приобретают значимость нормативного языкового канона в обществе. Печатное слово в эпоху Средневековья обладало не меньшим авторитетом, чем в настоящее время. Известно, что многие искусственные образцы, прежде всего в области орфографии, вошли в практику. Поскольку грамматика кодифицирует языковые нормы, представляет определенный интерес проследить, каким орфографическим принципам следуют составители грамматик "Адельфотис".

Большинство исследователей (Соболевский 1894; Лихачев 1973; Успенский 1987; Князевская, Чешко 1980) связывают истоки графико-орфографической позиции старых восточнославянских грамматик со вторым южнославянским влиянием. Выказывалась мысль и о том, что стремление архаизировать славянское письмо связано с распространением концепции "Москва — третий Рим" (Жуковская 1982 и др.). Орфографическая позиция "Адельфотиса" сохранила все основные черты понимания орфографии в ц.-сл. письменности в предыдущие столетия. В русле южнославянского влияния орфографические принципы грамматик "Адельфотис" связаны с реформой ц.-сл. письменности Евфимия Тырновского (XIV в.), с "Книгой Константина Философа и Грамматика о писменехъ" (XV в.), касающейся преимущественно вопросов графики и правописания, а также с рукописными орфографическими статьями и руководствами. Теоретические сочинения XIV–XV вв. о евфимиевской книжной реформе не сохранились, но мы можем судить о смысле этой реформы по сочинению одного из его последователей — Константина Костенческого, автора богословско-филологического трактата, во-

просы которого касаются не только чисто грамматических наблюдений, но выходят далеко за пределы грамматики в область философии и теологии. Для учения Константина Костенческого характерно обостренное внимание к внешним, формальным явлениям языка и особенностям написания, слово и сущность для него неразрывно связаны, малейшее отступление в письме, с его точки зрения, способно породить ересь: испорченность текстов есть "злова и ереси приоврътненіе" (цит. по: Ягич 1885–1895, 443).

Вместе с христианством – религией Писания – славяне переняли от византийцев отношение к письмам как первоосновам всего сущего, подчеркнутое внимание к графической стороне текста. С.С. Аверинцев определяет отношение к слову в средние века как "преклонение перед алфавитом как вместилищем неизреченных тайн" (Аверинцев 1977, 201). Константин Костенческий называет письма "божественными". Большую роль алфавит играл также в магии и мистике позднеантичного периода. Для книжных людей Средневековья характерно метафорическое уподобление знаков письма миру человека. Так, Константин Костенческий сравнивает буквы с людьми: согласные – с мужчинами, гласные – с женщинами, надстрочные знаки – с одеждами. В анонимной статье "О столпах и плотях" согласные буквы сравниваются с плотью, а гласные – с душой, и "такъ жъ во душа невѣдома безъ тѣла, сицѣ и тѣло нечувствено безъ души" (цит. по: Ягич 1885–1895, 702). Неразличение вопросов языкового и теологического характера восходит к мифологическим представлениям о природной связи имени и вещи. Характерной чертой отношения к слову в эпоху Средневековья является неконвенциональная трактовка языкового знака: отождествление знака и обозначаемого, слова и вещи, написания и смысла.

В XV–XVI вв. сфера орфографии приобретает принципиальное значение. Если раннее написание ориентировалось на книжное произношение, то в это время писцы начинают ориентироваться на собственно орфографическую традицию, привнесенную извне и имевшую уже мало общего с живым произношением.

Известно, что уже в старославянской письменности было шесть букв, лишних для передачи произношения, которые употреблялись по традиции: ѡ, ѣ, ѓ, ѱ; два из трех [i] ĭ, н, в, в кирилловском алфавите было по две и больше букв для передачи одной фонемы. Употребление двух букв для обозначения одной фонемы объясняется следованием, с одной стороны, греческой традиции, а с другой – авторитетом более старых, а значит, и более верных, с точки зрения человека Средневековья, книг. Таким образом, между звуковым составом слова и его выражением на письме существовали несоответствия, поэтому основной чертой ц.-сл. письма была проблема выбора дублетной буквы. Книжные люди Средневековья видели в слове ключ к познанию тайн бытия, заключенных в священных текстах, приписывая каждой букве свое значение, свой сокровенный смысл. Замена одной буквы другой, с точки зрения книжных людей Средневековья, иногда совершенно изменяет смысл и распространяет лжеучение.

2. Грецизация церковнославянского письма в "Адельфотисе": виды орфографических заимствований. В рукописных орфографических статьях есть немало рассуждений о преемственности славянского и греческого письменного наследия, в том числе в его графико-орфографическом аспекте. Причиной ряда орфографических заимствований являются лексические заимствования из греческого языка, греческие заимствования в XVI–XVII вв. передаются с возможной графической близостью к оригиналу. Буквы ѣ, в, ѓ, ѱ, весьма редкие вне числового значения в XIII–XIV вв., употребляются в XVI–XVII вв. в заимствованных словах в подражание греческому оригиналу. Из графических средств, использовавшихся в "Адельфотисе" для обозначения согласных звуков, внимание привлекают лишь некоторые. Поскольку

букву θ содержит слово $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ ('бог') и другие слова Священного Писания, при ее замене возможны различные опасные неточности. Буква θ последовательно используется в "Адельфотисе" в словах греческого происхождения: $\acute{o}\rho\theta\omicron\upsilon\gamma\rho\alpha\phi\acute{\iota}\alpha$ – ортографіа, $\alpha\acute{\iota}\theta\iota\omicron\psi$ – εθιοп, $\alpha\acute{\iota}\theta\eta\rho$ – εθиръ, $\pi\upsilon\theta\omicron\kappa\lambda\epsilon\upsilon\omicron\varsigma$ – пидоклен, $\theta\acute{o}\mu\alpha\varsigma$ – тома, $\theta\epsilon\acute{o}\delta\omega\rho\omicron\varsigma$ – теодоръ, $\theta\epsilon\omega\nu$ – теонъ и т. д., но $\delta\eta\mu\omicron\sigma\theta\epsilon\acute{\nu}\eta\varsigma$ – димостен. У Константина Костенческого содержится предупреждение против произношения θ как [t]. В византийский период буква θ произносилась как межзубный звук [th], поскольку в славянской азбуке не было соответствующей буквы для обозначения данного звука, сохранение греческой графемы вполне оправданно. Написание слова димостен можно объяснить либо более древним заимствованием, когда θ произносилась как [t], либо южнославянским (болгарским) влиянием.

Буква ξ встречается в "Адельфотисе" также в заимствованных из греческого языка словах $\epsilon\zeta\alpha\rho\sigma\eta\kappa\iota$, $\Delta\lambda\epsilon\zeta\alpha\delta\rho\iota\alpha$ в тексте предисловия и в лингвистических терминах $\omicron\zeta\iota\alpha$ и $\sigma\iota\nu\tau\alpha\zeta\iota\sigma\tau\iota\varsigma$.

Использование θ ($\theta\eta\tau\alpha$), ξ ($\xi\iota$) в заимствованиях в "Адельфотисе" всегда соответствует этимологии. На этимологическом принципе основано также употребление буквы ν в именах собственных: $\chi\rho\upsilon\sigma\eta\varsigma$ – хрвсъ, $\tau\rho\upsilon\phi\omega\nu$ – трвфонъ.

Греческим правописанием обусловлена и следующая орфографическая норма, заимствованная из греческого языка: в заимствованных греческих словах на месте η ($\eta\tau\alpha$), $\epsilon\iota$, $\omicron\iota$ пишется буква и, а на месте греческой ι ($\iota\omega\tau\alpha$) – ї, например: $\pi\omicron\sigma\epsilon\acute{\iota}\delta\omega\nu$ – посидонъ, $\sigma\alpha\rho\pi\eta\delta\omega\nu$ – сарпидонъ, $\phi\omicron\iota\nu\iota\zeta$ – финикъ, $\lambda\eta\tau\omega$ – лита. Кроме рассмотренных графем, в старославянской графике была еще буква υ , которая использовалась в греческих заимствованиях, но намного чаще на месте этимологического υ ($\upsilon\psi\iota\lambda\acute{o}\nu$) в славянском заимствовании употреблена буква и: $\gamma\acute{o}\rho\tau\upsilon\nu$ – гортина, $\kappa\rho\kappa\acute{o}\varsigma$ – крокида, $\acute{o}\lambda\upsilon\mu\pi\omicron\varsigma$ – олимпийскїй, $\gamma\acute{\upsilon}\psi$ – гипъ.

Кроме греческих букв, под влиянием греческого письма в ц.-сл. язык вошли различные диакритические значки: $\delta\upsilon\chi\iota$ (знаки придыхания), $\sigma\iota\lambda\iota$ (знаки ударения), $\kappa\rho\epsilon\mu\epsilon\nu\alpha$ (знаки долготы и краткости гласных), $\sigma\tau\rho\alpha\sigma\tau\iota$ (интонационные знаки) и другие (титла, паерки). Большая часть надстрочных знаков была заимствована славянскими книжниками из греческого письма и в XVI–XVII вв. не выполняла специальной функции. Употребление надстрочных знаков в "Адельфотисе" не следует определенной закономерности и, возможно, объясняется стремлением переводчиков грамматики на ц.-сл. язык сблизить славянский текст с греческим с графической точки зрения.

3. Тенденция к семантизации аллографов как отличительная черта старинной орфографической теории. Наличие в кириллице дублетных букв и, с другой стороны, вера людей Средневековья в существование связи между графическим знаком и его сакральным смыслом определили такую характерную черту орфографических теорий XVI–XVII вв., как стремление к семантизации аллографов. Так, в сочинении Константина Костенческого утверждается противопоставление \omicron ($\acute{o}\mu\iota\kappa\rho\acute{o}\nu$ 'о малое', он) и ω ($\acute{o}\mu\epsilon\gamma\alpha$ 'о великое', омега) как показателей единичности и множественности соответственно. Противопоставление \omicron/ω – наиболее ранняя и стабильная на протяжении всей истории ц.-сл. письменности семантическая оппозиция аллографов. (В анонимном трактате "Ὁ μνῆστῆκ' ἰ ο' εἰνῆστῆκ'" (XVII в.) оппозиция 'множественность/единичность' была распространена и на другие аллографы: $\tau\grave{\alpha}$ – $\tau\grave{\alpha}$, υ – υ , α – α , $\omicron\upsilon$ – $\omicron\upsilon$.) Обоснование выбора других аллографов дополняется оценочными доводами, противопоставление начертаний букв с одним фонетическим значением связывается с разными се-

мантическими сферами. Так, например, в статье "Сила сѣществѣ книжнаго писаниа" относительно выбора *з* – *з* говорится: "Словѣ всякъю и зное и злымъ пиши зѣлѣмъ" (цит. по: Ягич 1885–1895, 727), хотя позже встречается и противоположная рекомендация: "только если желаешь писать о божественных или царских или господских вещах, употребляй *з*. Но если ты хочешь писать об адовых и низменных вещах, то пиши *з*" (цит. по: Успенский 1994, 63). В некоторых памятниках XVI–XVII вв. встречаются попытки семантизации других дублетных букв (*ж* – *ѣ*, *ѡ* – *пс*, *ѣ* – *ф*, *ѣ* – *ѣ*). С верой в сакральный смысл графических знаков связана также древняя традиция написания святых слов под титлом.

4. Функциональная роль аллографов в "Адельфотисе". В употреблении графических средств для обозначения звука [o] авторы львовской грамматики придерживаются правила, выработанного в прежнюю эпоху и зафиксированного в ряде орфографических статей ("Книга о писменехъ" Константина Костенческого, "Написание языком словенским о вѣквѣ ѣ о еа писменехъ"): в начале слова обычно пишется *ω*, в других положениях в слове – *о*. Использование буквы *ω* в начале слова объяснялось палеографическими причинами и имело определенное дифференцирующее значение: при слитном написании слов в строке оно служило средством отделения следующего слова от предыдущего (см. Булыка 1970, 25). В славянской письменности XVI в. буква *ω* в середине слова была не употребительна. Но иногда авторы "Адельфотиса" допускают отступление от орфографической тенденции, которой следуют в других частях грамматики, например: *Іωсиѣф*, *Филωнъ*. Авторитет греческого письма, а также древнейших книг, в которых *ω* последовательно сохранялась в заимствованных греческих словах, особенно именах собственных (см. Карский 1979, 200), оказывается сильнее закономерностей, выработанных образцовыми ц.-сл. текстами. Однако это отступление не обошлось, вероятно, без некоторых усилий, поскольку на той же странице находится другой, "исправленный" вариант написания, соответствующий нормам ц.-сл. письменности XVI в.: *Іосиф*. Кроме обычного положения в начале слова, некоторыми орфографическими статьями предписывалось писать букву *ω* в словах множественного числа и с собирательным значением. Это правило соблюдается в "Адельфотисе" sporadически: наряду с окончаниями *-ωвъ* в Р. п. мн. ч. и *-ωмъ* в Д. п. мн. ч. используются *-овъ* и *-омъ* соответственно, например: *вранωвъ*, *вранωмъ*; *волωвъ*, *волωмъ*; ц.-сл. *престѣлѣ*, *престоломъ* и *оумовъ*, *оумомъ*; *димостеновъ*, *димостеномъ*, и даже *орловъ*, *орломъ*; *стоудовъ*, *стоудомъ*. Семантизация аллографов, так же как орфографические заимствования, является проявлением архаичности лингвистического сознания ранних славянских грамматистов.

Звук [u] передается в "Адельфотисе" буквами *ѹ*, *ж* и диграфом *оѹ*. Буква *ж*, использовавшаяся сначала для обозначения носового гласного [ɔ], в X в. утратившего назализацию и совпавшего по звучанию с [u], очень рано вышла из употребления. В XVI в. буква *ж* снова sporadически появляется в связи со вторым южнославянским влиянием и ставится часто, по меткому выражению старой славянской письменности, "красоты ради, а не истины". В "Адельфотисе" на одной и той же странице встречаются разные графические варианты одного и того же слова: *мѹжъ* – *мѣжъ*, *сѹтъ* – *соѹт* – *сѣтъ*, *соѹпружество* – *соѹпрѹжество* – *сѹпрѹжество* – *сѹпрѣжество* – *соѹпружество* (sic!). Данные аллографы используются хаотично, вывести какое-либо правило их употребления не представляется возможным. Наиболее часто для обозначения звука [u] используется графема *ѹ*.

Авторы "Адельфотиса" дифференцируют употребление букв *ї*, *и*, *ѹ*, обозначающих звук [i], в славянских словах следующим образом: *ї* в начале и конце слова и перед гласными, и после согласных. Правило постановки *ї*

которая в среднегреческом языке обозначала фонему [i], на ι: κατηγορίαν вместо κατηγορίαν, περὺλικά вместо περὺλῆκα, κτιτικόν вместо κτητικόν, ἴστημι вместо ἴστημι.

6. Язык церковнославянских параллелей греческих примеров и метаязык "Адельфотиса" с точки зрения орфографии памятника. В грамматике "Адельфотиса" есть две орфографические нормы: одна для языка ц.-сл. параллелей греческих примеров, другая – для метаязыка. В восточнославянских грамматиках XVI–XVII вв. в качестве метаязыка также был принят в основном ц.-сл. язык, однако выборочные количественные данные показали, что в тексте метаязыковых высказываний составители грамматики менее последовательны в соблюдении орфографических норм, чем в примерах и парадигмах. По всей вероятности, это связано с тем, что, поскольку основную часть грамматики составляли систематизированные факты языка-объекта, метаязыковые высказывания (дефиниции, толкования, пояснения) играли менее важную роль, а потому привлекали меньшее внимание переводчиков и находились под меньшим контролем их языкового сознания.

Отсутствие общепринятых орфографических норм способствовало проникновению в ц.-сл. язык "Адельфотиса" форм живого народного языка, несмотря на это, а также на некоторый разнобой в употреблении ц.-сл. слов, можно говорить о совокупности орфографических норм "Адельфотиса" именно как об орфографической системе.

Автор статьи выражает благодарность ее рецензенту доктору филологических наук, доценту кафедры теоретического и славянского языкознания Елене Николаевне Руденко за ценные критические замечания и советы.

Литература

- Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
 Булыка А. М. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. Мн., 1970.
 Жуковская Л. П. К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность // История русского языка: исследования и тексты. М., 1982. С. 50–287.
 Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.
 Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической нормы Ефимия Тырновского // Ученики и последователи на Евтимий Тырновский. София, 1980. С. 280–295.
 Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Л., 1973.
 Мечковская Н. Б. Архаическое и новое в лингвистическом сознании одной эпохи (к характеристике восточнославянских грамматик XVI–XVII вв.) // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 710. Исследования по истории славянского языкознания. Slavica Tartuensia I, 1985. С. 15–24.
 Мечковская Н. Б. Фонетические знания в восточнославянской традиции XVI–XVII веков // Веснік БДУ. Сер. 4. 1985 [а]. № 3. С. 34–39.
 Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. СПб., 1894.
 Успенский Б. А. История русского литературного языка (XVI–XVII вв.) // Sagner's Slavistische Sammlung. München, 1987. Bd. 12.
 Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.
 Щепкин В. Н. Славянская палеография. М., 1920.
 Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку: В 2 т. СПб., 1885–1895. Т. 1. С. 289–1070.

Поступила в редакцию 22.05.2001

Зарембо Ольга Сергеевна – преподаватель кафедры классической филологии, соискатель кафедры теоретического и славянского языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н.Б. Мечковская.